

Вениамин Бычковский

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Вениамин Бычковский

Песочные часы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74305966

Песочные часы:

Аннотация

В сборнике Вениамина Бычковского нет стремительного действия и внешних эффектов. Здесь важнее тишина между словами, взгляд, задерживающийся на простых вещах, и тот момент, когда внутри человека что-то смещается. Герои оказываются рядом с камнем, огнём, дорогой, собственной памятью – и через это неожиданно возвращаются к себе. Кто-то проживает утрату, кто-то встречу, кто-то – первый честный разговор с собственной совестью.

Сборник подойдёт тем, кому близка спокойная, созерцательная проза с философским подтекстом. Тем, кто ценит атмосферу, глубину и ощущение тихого, вдумчивого разговора с книгой – не ради сюжета, а ради внутреннего отклика.

В книге присутствуют сцены распития алкоголя, табакокурения.

Содержание

День	5
Скульптура	9
Сюрприз	18
Костёр	30
Ашуд	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Вениамин Бычковский

Песочные часы

© В. Бычковский, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

День

До сотворения мира на Земле была тьма. Затем Господь приказал быть свету. И засиял Свет Божий. «И увидел Бог свет. Увидел, что он хорош и прекрасен, и отделил свет от тьмы. И назвал свет днём...»

День во времени... Пять месяцев стоит дерево, покрытое зеленью, но одного дня, одной ночи хватает, чтобы все листья сделались жёлтыми. И наоборот. Пять месяцев стоит дерево, голое и чёрное, как уголь. И одного тёплого светлого утра хватает, чтобы оно покрылось зеленью. Одного радостного утра хватает, чтобы оно зацвело.

День в жизни человека... У каждого из нас есть день рождения, никто не избежит и дня смерти. Нередко один день решает судьбу человека. В счастливый день встречаемся с любовью, в печальный день грустим или плачем. Так – изо дня в день – и проживаем жизнь свою, не очень-то придавая значения одному дню. А ведь каждый день ради нас живёт! Рождается для нас и умирает на виду у всех. И уходит наш день без особых проводов и подарков. Хотя день оставляет нам всё, что принёс с собой из сказочного мира, где обитают звёзды и кометы, Луна и Солнце, и на пути к Земле все дни меняют даже имена!

Ещё не родившись, под сердцем Солнца, день зовётся

«Завтра». В этом имени большая надежда на новую встречу, на новую любовь, на новых друзей. Всего лишь ночь разделяет нас с Завтра.

Луна первой встречает день. Встречает сказочно – при звёздах и в тиши ночной! Луна благословляет день именем «Сегодня». День переполнен счастьем, красотой! И впереди рассвет...

Ещё и звёзды не все погасли, а солнце озарило новый день! Проснитесь, люди! За окном рассвет! Шире откройте глаза, смотрите – сколько света! Смотрите и любуйтесь днём сегодня! Вдохните чистый и свежий воздух его! Ведь в этом воздухе жизнь нового дня! И закон дня повелевает: дорожи каждым днём и часом...

Но что это с людьми?

Все в делах и хлопотах. Все спешат, бегут... Куда? Не видят дня, не замечают.

Может, света мало?

Нет, солнце в небе торжествует дню! А всё прекрасное на земле – от солнца! Глядя на солнце, человек учится и делает тоже прекрасные вещи.

Но люди слепо бегут, бегут, не замечают дня. И так спешат, как будто прячутся от света. Люди не видят дня, его величия и света.

Ах, как жаль!

Люди, вы слышите, пришло сегодня! Пришёл день вашей жизни! Остановитесь! Оглянитесь!..

Уходил день печальный и тихий, обделённый вниманием людей. И только птицы пением провожали день, и новорождённые дети плакали навзрыд: «Наш день!.. Наш день!..»

А после и они заснули на груди своих мам, в которых билось сердце с благодарностью уходящему дню за счастье рождения детей, за материнскую любовь!

К ночи замирают цветы и деревья. Когда заходит солнце и всё вокруг умолкает, остановитесь на минуту и войдите в единение с природой. Вы почувствуете, как из земли, из-под корней деревьев, проходя через все их клеточки до самых высоких веток, поднимается устремление глубокой любви и тоски – тоски по тому, что приносит свет и дарует счастье, по ушедшему дню. Они хотят, чтобы день вернулся. Эта тоска так чиста, что если вы почувствуете её движение в деревьях, ваше существо тоже воспрянет в горячей молитве о мире, свете и любви, ещё не проявленных здесь. И если встретитесь с этой чистой и истинной божественной любовью, если почувствуете её, вы поймёте, насколько важен каждый день нашей жизни.

Но материальный мир, погружённый во мрак и неведение, забыл о Божественном. Любовь спустилась во тьму, она пробудила всё, лежащее там во сне. Она шептала в ночи: «В мире есть нечто, достойное того, чтобы вы проснулись, нечто, стоящее того, чтобы жить для него. Это – любовь!»

Пока же день, прощаясь с Солнцем, с Луной, растворялся в ночи и оставался в памяти людей под именем «Вчера».

Только в каких-то окнах загорался свет и слышался плач проснувшихся детей, узнавших свой день в стране снов и сказок. Там каждый день неповторим!

День умер и больше не вернётся, ведь это был наш единственный день, и каждый из нас прошёл вместе с этим днём, и никто не вернётся. И день будет другой, и мы в чём-то поменяемся.

А чтобы человек не забывал о важности дня, у каждого дня три ипостаси – Вчера, Сегодня, Завтра.

Скульптура

Зимой из деревни я чаще всего возвращаюсь не по дороге вокруг широкого озера, а напрямик, по льду. Тем более в марте, когда снежный наст сверху крепок и идти на лыжах одно удовольствие. Правда, нынешний март был теплее обычного, и появившиеся полыньи в середине озера вынуждали продвигаться по льду, ближе к берегу. Прошагав половину пути, я заметил весьма странное место: на снежном берегу лежал огромный камень, вокруг которого было вычищено солидное пространство и вычищено так усердно, что даже издали были видны рыжие, до песка, проталины.

Среди измученных трескучими морозами серых деревьев и потускневшего снега камень казался необычайно многоцветным, а в какой-то миг даже почудилось, что он светится. Но, подойдя ближе, ничего особенного я не нашёл в нём: обычная старая глыба песочно-серого цвета. Зато увидел узкую тропку, которая тянулась из леса и оканчивалась у камня аккуратными ступеньками. Сколько же надо было перекидать снега за зиму, чтобы камень не засыпало?!

Всё это было настолько необычным для здешних мест, что я решил разгадать тайну. Снял лыжи у камня и стал оглядываться с надеждой увидеть поблизости странника, который нашёл здесь приют, да ещё с такой непривычной службой – очищать камень от снега. Потоптавшись на месте, я присел

на лыжи. Затем, прислонившись спиной к тёплому от весеннего солнца камню, незаметно для себя задремал...

Это только на вид я обычная каменная глыба, но моему магнетизму подчиняются многие. Вот и ты задремал на моём «плече»! Таким камням, как я, усыпить человека легко, ведь камень – это окаменелая вечность. Отсюда в нас магнетизм и сила воздействия на человека. Но мой рассказ откроет тебе и другие тайны из жизни камней, и ты постигнешь, откуда в нас сияние.

Людям и в голову не приходит, что камни живые. Большинство людей относятся к нам пренебрежительно, считая камень самым несовершенным в природе. То есть отвели нам самый низкий и бездушный мир, даже растения поставили выше по развитию. Зато себя человек поставил на вершину мироздания. И, ощущая себя хозяином, он одержим разрушением камня и восторгается только драгоценными камнями в украшениях. Опять же благодаря насилию гранильщиков, которых общество почитает как творцов красоты. Правда, есть ещё один повод склониться человеку перед камнем: когда его коснётся рука скульптора. Но и в этом случае большинство будет относиться к камню как к предмету, вещи, в которую можно вложить деньги... Будь я сейчас в музее или на выставке, многие люди с почтением остановились бы рядом, чтобы коснуться меня, и наверняка захотели бы узнать, откуда я родом.

Я расскажу тебе. Много тысячелетий назад, когда я жил

в гигантской скале у горной реки, рядом остановились два всадника. И пока их кони утоляли жажду, один всадник поведал другому: «Есть на земле такие мастера, которые способны превращать камни в великие скульптуры. И все скульптуры такой красоты, что их выставляют в священных храмах, устанавливают на площадях, и люди поклоняются им, как богам! Слава об этих скульпторах разносится по всему свету. Мастера по камню живут в больших городах. Камни для них отыскивают тысячи людей по всей земле и чаще всего находят вот в таких скалах, как эта...» — и всадник рукой указал в мою сторону.

Скоро кони напились, и всадники ускакали. Но их речь взволновала меня. Вот бы и мне оказаться в руках великого мастера!.. Тогда и меня могли бы прославить на весь мир! С того дня эта мысль не давала мне покоя. Но все мои устремления оставались не более чем мечтой. И как бы ни терзался, я был бессилен перед скалой. Кроме того, скала, узнав о моей мечте, ещё крепче сдавила меня в своих объятиях. Только я становился ещё твёрже и прочнее, но вместе с этим таяла надежда на освобождение. Один Господь знал, сколько я страдал в то время. Может, за это Он и сжалился надо мной?

Однажды случилось страшной силы землетрясение, от которого скала разрушилась, и я огромной глыбой упал в горный поток. Ох, и потрепала меня река: удары о скалистые берега, падения в водопадах... Но, к удивлению, я остался цел, и это побуждало ещё больше верить в моё предназначение.

Не легче был и дальнейший путь, когда горная река вынесла меня к морю. В морской пучине, в подводных течениях я казался не больше песчинки и, кажется, был обречён. А сколько раз шторм загонял меня в расщелины подводных гор или в джунгли водорослей! Но и здесь я находил силы, чтобы вырваться из плена.

В этой борьбе прошли века. И всё-таки пришло время, когда я слышал людей. Их беспокойную, грохочущую жизнь не мог заглушить даже шторм. А если шторм стихал, я подолгу смотрел вверх, чтобы по днищам кораблей и лодок узнать место, откуда выплывает их больше всего. Таким образом, я нашёл тот залив, на берегу которого стоял большой город. Упрашивать море не нужно было, за сотни лет оно прониклось ко мне уважением и любовью, поэтому морскому течению не понадобилось много времени, чтобы занести меня в шумный залив. А когда мы прощались, море в подарок устроило такой сильный шторм, что за одну ночь я был выброшен на берег.

Но когда взошло солнце и обогрело меня, я вдруг почувствовал ветхость и старость. Моя глыба была изрыта рубцами и трещинами. Так с восходом солнца рухнули все мои мечты. Теперь солнце не отражалось на мне, как когда-то в скале, мне даже казалось, что солнце умышленно освещает меня со всех сторон, чтобы все могли разглядеть мою дряхлость. Чувствуя себя совершенно ненужным, я хотел вернуться в море, но и на это уже не хватало сил. Так и застыл

на берегу рядом с большим городом, где наверняка жил великий мастер.

Однако на этом мои испытания не закончились. В последнее тысячелетие климат Земли изменился, и тёплое море быстро исчезло, оставив после себя только озеро. От наступившего холода ушли и люди, город разрушился, зарос густым лесом. На смену морским штормам стали приходить зимы с метелями, которые хоронили меня под снегом на долгие месяцы.

Но нынешней осенью появился на берегу странный человек, который в любую погоду находит время, чтобы постоять рядом. В снегопады расчищает снег вокруг меня. Иногда мне кажется, что это всего лишь сон. Но стоит ветру пригнать снежные облака, как он вновь оказывается рядом и уже не отдаёт меня даже самой жестокой метели. Случается, и ночью он приходит ко мне. Тогда он подолгу стоит рядом и о чём-то думает... Как будто хочет окаменеть рядом со мной.

Конечно, я полюбил его. И, если бы он покинул меня, я раскололся бы от горя. Это счастье, что человек остался здесь жить. Потом, он первый, кто сказал о том, что я и есть самая гениальная скульптура! Он по сей день восхищается мной. А когда касается рукой моих шрамов и трещин, то чувствую, что и он страдает...

Проснулся я от лёгкого прикосновения. Передо мной стоял худощавый голубоглазый человек с седой бородой и ше-

велюрой без шапки. В чёрной фуфайке, брезентовых штанах, заправленных в валенки, он казался обычным деревенским стариком. Но в манере говорить и скупых его жестах угадывался совсем не сельский житель. И светлые глаза его смотрели с сухой грустью, и держался он как человек, много испытавший в жизни. А на его загорелом лице отпечатались морщины, удивительно напоминавшие рубцы на камне. И двигался он медленно, словно готовился в любую минуту окаменеть. Порой мне чудилось, что я ещё не проснулся и вижу перед собой всё тот же камень, неведомо как превратившийся в человека. Только его речь была очень лёгкой и мягкой. Она-то и возвращала меня в реальность.

Мы познакомились, разговорились, и ничего странного я не нашёл в нём. Во всём чувствовалась его искренность и доброта. Хотя, если подумать, именно эти качества кажутся сегодня странными, но не здесь, в лесу, а за десятки и сотни километров отсюда, где стоят застывшие города.

Беседуя о природе, мы дошли до зелёного вагончика, где он жил, и расположились у небольшой печки. Здесь мне опять вдруг стало казаться, что это сон, потому как во всей обстановке маленькой комнаты проявлялась совсем иная, незнакомая жизнь. Стены были увешаны необычными корягами, на полках хранилось множество камней. Большие располагались прямо на полу. Словом, здесь жили камни, а человек только служил им. Да разве можно было не служить таким камням, как «Лебедь», «Закат», «Сердце»!.. И я опять

вспомнил валун на берегу. Но из разговора узнал, что все они найдены гораздо раньше, ещё тогда, когда он только открывал для себя мир суровых и вдохновенных ликов в камне, полных напряжённой и величавой жизни духа, проявления которой он искал всюду. В своей жизни он больше путался и тогда неосознанно стал искать камни, среди которых надеялся увидеть себе подобный. И это случилось! Невероятно, но случилось! Древний камень на берегу своим существованием, внешним обликом, своим загадочным появлением здесь заставил его пережить всё человеческое, вплоть до смерти. Не кто иной, как этот камень поднял его душу от земли к небу!

Несмотря на то, что я оставлял этого странного, но очень интересного человека, а потому напросился при случае заглянуть к нему ещё раз. А пока отправился по его тропке к камню, где оставил лыжи. Удаляясь от вагончика, я никак не мог прервать свои размышления о пережитом. Неужели вдали от мирской жизни, общаясь всего лишь с камнем, можно постичь жизнь?.. Одно ясно – этому страннику жизнь является как посвящённому; она не прячется от него за холодные стены городских домов, не бежит от него под натиском злой толпы... Жизнь доверилась ему и научила не бояться самой смерти. Поэтому он так легко распознаёт жизнь в самом малом, порой в почти незримом. Она для него везде: в солнечном луче, изгоняющем всякую тень; в дожде, исцеляющем землю и смывающем грязь; в ветре, который едва успевает

разгонять кровавые облака, порождённые людьми; в каждом, даже маленьком цветке он видит её целиком, и стократно – в каждом камне. Самый маленький камушек на берегу хвалится ему своей жизнью. И разве он не прав?! Вот его чудо-камень... сияет рядом! Камень, который тысячелетия жаждал воплощения своих грёз, всю жизнь скитался в поисках красоты и, наконец, увидел эту красоту в самом себе. Увидел благодаря человеку-другу.

Возможно, в своей любви к другу он забывает, что он камень, и радуется тому, что он, прежде всего, носитель такой же души. Каждому из них не хватало только одной встречи: встречи друг с другом. И вот по каким-то неведомым законам они встретились именно здесь, именно сейчас, когда люди больше расстаются и теряют всё, даже веру в красоту. Мои же новые знакомые в исканиях красоты нашли друг друга, услышали в себе музыку духовной цельности и, как святые, обрели благочестивую радость, блаженное смирение, готовность принять всё на себя и всё вынести, только бы не потерять веру в любовь и красоту.

Сейчас для меня они оба вестники, и весть их не только о грядущем восходе добра и любви, но и о том, что необходимо осветить и разогнать мрак в сознании людей... О, как бы я хотел оказаться первым среди этих людей! Ведь что-то чистое, непорочное осталось во мне, если я поверил в сияние камней?..

И кто знает, не потому ли сейчас, приближаясь к большо-

му городу, к людям, к тёплой квартире, я вспоминаю дом, в котором родился, отца, которого уже нет на свете, и мать... О боже, что же происходит со мной? Время от времени возвращаюсь в дом матери, но так и не могу объясниться с ней... А там, на берегу, другой человек слышит, говорит с камнем и понимает его!.. Куда же я иду?.. И зачем?..

Сюрприз

Памяти друга и его отца-фронтовика

Вадим Александрович стоял на сцене юбилейного вечера Федерации альпинизма и держал в руке награду заслуженного тренера России. Зал аплодировал, а он смотрел на публику и узнавал лица друзей, учеников и вспоминал лица тех, кого здесь нет и никогда не будет – забрали горы. И эту радость, которую он переживал сейчас, можно было назвать «со слезами на глазах». Но он сдержался на сцене. Зато после торжества, за дружеским столом, где рядом сидели люди, знавшие его не одно десятилетие, он всё же прослезился, вспоминая ушедших и погибших в горах. А после одного тоста, в котором прозвучало слово «сюрприз», поскольку действительно эта награда стала сюрпризом для Вадима Александровича, он вдруг вспомнил другой «сюрприз». Даже праздничное оживление за столом не помешало ему вспомнить поход из первых лет тренерской работы...

От увесистых рюкзаков Вадим только в кресле самолёта перевёл дух и расправил плечи. Затем откинул спинку кресла и решил немного вздремнуть после бессонной ночи с ремонтом машины.

«Уж теперь отосплюсь за две недели похода», – подумал Вадим и закрыл глаза. Сквозь гудение самолёта доносились

обрывки разговора его пацанов, и он вспомнил, что не проверил у них снаряжение – в спортклуб влетел за полчаса до выхода... Хотя на этих ребят можно положиться. И вообще, этим набором в секцию альпинизма, где он тренирует уже пять лет, Вадим был доволен.

До него долетело знакомое выражение Лёшки: «Усохнешь!». «Опять спорит с кем-то, – подумал Вадим и остановил свои мысли на нём. – Да хоть бы этот Лёшка! Сильный ловкий парень, только немного разбитной. Ничего, пару раз сходит в горы – присмирееет. Или взять Валерку, этот просто рождён для гор...»

Он вспомнил недавнюю тренировку, где любовался, как Валерка работал на скалах, пусть ещё не так быстро, но как грамотно поднимался, а спустился – даже не вспотел. Вадим открыл глаза и отыскал взглядом Валерку. Тот молча сидел, но за стёклами очков было непонятно: спит он или думает о чём. «Хороший парень! Интересно, как встретит отца? Сидит себе и не знает, что ему приготовили сюрприз».

Да и для него самого это был сюрприз, когда в анкете Валерки в графе «родители» увидел имя Петра Ивановича Семёнова – лесника того самого района, куда они сейчас добиваются.

С Петром Ивановичем он знаком уже лет десять, и ошибка исключалась. Не раз они дружески сидели за столом и вели разговор о жизни. Ну а с сюрпризом Вадим решил не спешить, пока не пройдут маршрут.

Идти было трудно. Осенний холодный дождь размочил узкую тропу, и каждый старался попасть ногой туда, где земля держалась за корни деревьев и была значительно твёрже. Однако это не всегда удавалось, и ноги то и дело соскальзывали на тропу, проваливались в слякоть. Но больше всего Валерку раздражали очки, которые быстро запотевали под капюшоном мокрой штормовки, и их без конца приходилось протирать. Когда стёкла очков становились прозрачными, он хорошо видел, как ветер подхватывал жёлтые листья, нёс вдоль тропы и швырял их в лужи, где вода их кружила, как лодочки, и по ручьям уносила куда-то вниз, навстречу неизвестности. Как и Валерку – он по сей день видит во сне море и паруса, уплывающие всё дальше и дальше от его берега...

Уже полгода он занимается альпинизмом в заводском спортклубе, куда пригласил сам тренер. Чем-то он приглянулся тренеру на заводском турслёте. Скоро будет год, как Валерка работает на заводе после мореходки, откуда был списан по зрению. Альпинизму очки не мешали, если не считать сегодняшний подъём в горы. Но и это не сравнить с тем, что пережил он, когда возвращался домой из мореходки. Тогда вся дорога казалась бесконечно долгой и одинокой. И совсем другое чувство он пережил сегодня, когда с огромным рюкзаком и ледорубом в руках добирался до аэропорта! Именно сегодня он ясно ощутил, что значит для него дорога. Даже холодный дождь не мог остудить это чувство...

Здесь Валеркины воспоминания прервал голос тренера,

который, как всегда, подбадривал очередным куплетом из какой-нибудь туристской песни и между тем обгонял всю группу.

Шагая впереди, тренер рассуждал про себя: «Уже пять часов топаем, а прошли только половину. А ведь ещё до перевала надо подниматься. В хорошие дни это расстояние часа за три пробегали, но погоду не закажешь. Да и пацаны порядком промокли, даже Лёшка „усох“. Ладно, пока не накрыли сумерки, свернём к леснику», – решил тренер и ускорил шаг.

Дождь, кажется, немного стих. И, пока хозяйка возится с ужином у печки, Пётр решил затянуться хорошей сигаретой. Обычно он курит дешёвые папиросы и только по вечерам, да и то не каждый день, достаёт из серванта приятно пахнущие сигареты, которыми балуют туристы. Так уж случилось, что тропа к одной из вершин проходит рядом, и туристы, зная об этом, часто заглядывают к нему, а когда и заночуют.

Пётр закурил на крыльце и с наслаждением потягивал сигарету. Крыльцо не продувалось ветром, и ароматный дым медленно кружил вокруг головы, и одновременно кружили в голове мысли. Вспоминалась поездка в город к начальству за премией. В лесничестве, как правило, премию дают не в конце года, а по осени, когда позади летние тревожные месяцы – гляди в оба, чтоб пожара не случилось в лесу.

На этот раз он премию потратил на велосипед Саньке. Вот разинет рот, когда увидит «взрослый» велосипед. Только бы мать не проболталась до дня рождения. «Потешный маль-

чишка!» – ухмыльнулся Пётр, чувствуя, как что-то вроде родительской нежности проснулось в его душе и разбудило то, что он годами таил даже от себя, – это была любовь к старшему сыну, Валерке. Сыну от первого, послевоенного брака...

Провоевав пять лет и отделавшись одним небольшим ранением, он вернулся с войны не только с орденами и медалями на груди, но и с мечтой найти невесту и жить счастливо. Ведь для этого у него было всё: профессия первоклассного шофёра, здоровье, молодость. И разве мог он подумать тогда, что всё это не пригодится на гражданке. Например, храбрость и честность станут не в почёте, вместо этого придётся быть терпимым даже к последнему дерьму, иначе...

Уже к осени сорок пятого он женился. Но запомнилась осень другим – встречей с начальником автоколонны, который стал дьяволом в его судьбе. И никогда он не забудет злобный взгляд и слова, когда оформлялся на работу: «Ну чего вырядился... У меня не за ордена деньги получают!» Скоро он узнал, за что здесь платили: за «левую» работу, с которой начальник брал проценты. Да чёрт с ним, с хапугой! Но как мог суд поверить ему! Поверить тому, кто всю войну отсиживался в тылу; кто, как клещ, впивался в рабочего и сосал его кровь; мало того, он же и подстроил аварию, чтоб засадить Петра... А потом осудила и жена, не за аварию, а за то, что отказался от «левого» заработка. «Видите ли, какой гордый! А ты подумал, как жить теперь мне одной, с ребёнком?» – услышал он уже за решёткой.

Недолго он носил на руках Валерку. После пяти лет тюрьмы вместе уже не жили. Встречался несколько раз, пока не уехал из города. В городе он ощущал себя лишним. А всё дело в том, что из тюрьмы Пётр вернулся другим человеком. Нет, не сломленным судьбой, но в сердце была обида и боль. Особенно его потрясла встреча с боевым командиром в одном из лагерей. Пётр не поверил своим глазам, когда в измождённом худом человеке признал своего храброго командира, с которым прошёл всю войну и хорошо знал, насколько майор был предан отечеству... И вдруг он осуждён по политической статье? Майор тоже признал своего сослуживца, но поговорить им не удалось: «политических» содержали в большей строгости и отдельно от других заключённых. К тому же «политических» вскоре перевели дальше на север, и все попытки что-нибудь узнать о командире не дали результатов. И на свободе Петру так и не удалось узнать о дальнейшей судьбе майора.

...Все воспоминания вдруг были нарушены лаем собаки. «Никак за ручьём, у дороги, – смекнул Пётр. – Кого же это носит нелёгкая в такую погоду?»

Вскоре, увидев туристов, он успокоился и крикнул на собаку:

– Свои! Замолчи!

Собака тут же стихла, а за спиной открылась дверь и высунулась голова Саньки:

– Пап, пришёл кто?

Пётр, не оборачиваясь, ответил:

– Свои, туристы...

Дверь быстро закрылась, но всё же успела выпустить из дома лёгкий запах горячего ужина.

К калитке гуськом подходили мокрые с головы до пят туристы. В спущенных на глаза капюшонах и мокрых штормовках они были все одинаковы и казались беспомощными перед дождём и надвигающимися сумерками. Один за другим стали собираться у калитки в ожидании тренера, который шёл позади.

Пётр, докуривая сигарету, решительно крикнул:

– Да заходите, чего там встали!

Калитка открылась, и туристы по одному стали заходить во двор.

– Куда путь держите? – сухо заговорил Пётр.

– Наша дорога прямая, Пётр Иванович, к небу, – вступил в разговор подоспевший тренер.

– Давненько не заходил, Вадим. Видать, хорошей погоды ждал, – признал его Пётр и улыбнулся своей шутке. Затем, махнув рукой в сторону сарая, добавил:

– В сарае сам разберёшься. А уложишь своих гавриков – заходи на чай.

Вадим быстро отправил ребят в сарай, а сам поднялся на крыльцо.

– Да я ведь не один пришёл, – начал осторожно говорить он.

– Чего уж, вижу... Сарай большой, поместитесь, – поддержал Пётр.

– Я не об этом, – продолжил Вадим. – На этот раз с сюрпризом пришёл. Правда, хотел удивить тебя после горы, но так уж случилось – дождь достал. Ну, в общем, среди моих ребят твой сын Валерка. Уже полгода у меня занимается...

– Подожди, – не дослушал его Пётр. – Сестра в городе говорила, что он учится в военном училище...

– Учился, в мореходке. Да по зрению списали. Сейчас работает на заводе.

– Понятно... – протянул задумчиво Пётр. – Вместе приходите.

– А Валерке-то сказать, что ты его отец, иначе как?

– Парень уже. Пусть знает, – ответил Пётр, а потом как-то нехотя и лениво развернулся и ушёл в дом.

Жене Пётр не сказал про сына, а только попросил накрыть стол ещё на двоих.

«Теперь для Валерки остался сюрприз, – думал Вадим, пока шагал к сараю. – Придётся при всех говорить, иначе не пойдёт. Да и пацанам будет понятно».

Тёплый и сухой сарай уже наполнился влажным воздухом от мокрой одежды, рюкзаков и не так благоухал сеном, как обычно. Если случалось ночевать Вадиму у лесника, он всегда выбирал место в сарае, на душистом сене. А сегодня просто счастье – провалиться в него и наконец-то выспаться, но сначала... Дав распоряжение по дежурству и выбрав место

для примуса, тренер переоделся в сухое и, собравшись с духом, подошёл к Валерке.

– Валерка, у меня есть сюрприз для тебя! – чуть громче обычного сказал он.

Затем, как бы раздумывая о чём-то, замолчал на короткое время, чем успел насторожить ребят, Валерку, который машинально стал поправлять очки. Когда он волновался, руки всегда, независимо от него, тянулись к очкам и как бы проверяли, на месте они или нет. Одна рука ещё оставалась на оправе очков, когда он слышал тренера:

– Лесник-то – твой отец! Ничего не почувствовал?

Валерка, как показалось тренеру, спокойно ответил:

– Нет.

И, склонившись над рюкзаком, стал выбирать сухие вещи. Конечно же, он не ожидал такой новости и был сильно удивлён, узнав, что мужик на крыльце и есть его отец. Мало того, он сейчас прислушивался к себе: не отзовется ли эта новость внутри. Ничего, кроме усталости, он не ощущал и не чувствовал.

А что он мог почувствовать, если видел отца только карапузом? И мать не любила вспоминать его. Даже фамилия у него была не отца, а матери. Выходит, что связывает его с отцом только отчество. Да и знал об отце мало: воевал, давно живёт с другой семьёй, любит выпить. Тут Валерка вспомнил лицо лесника и отметил: «А на вид не скажешь, что пьёт».

Его мысли прервал тренер:

– Переодевайся, а перекусим в гостях. О тебе он знает и приглашал...

И вот здесь что-то дрогнуло внутри Валерки, и он так сильно захотел вдруг спать, что готов был рухнуть прямо так, в сырой одежде, только бы не идти к отцу в дом. Больше всего на свете ему хотелось остаться здесь, в тёплом сарае, с ребятами, и сердцем он завидовал сейчас каждому из них.

Заметив колебание Валерки, тренер положил руку ему на плечо и сказал:

– Ты уже взрослый парень, и неудобно прятаться...

Да и ребята не скрывали зависти, зная о том, что лесник – авторитет даже у мастеров, никто лучше него не знал здешних гор. Словом, всё было за то, чтоб идти ему, только сердце стучало в груди и повторяло: «Не ходи, не ходи, не ходи...»

Запах вкусной горячей пищи встретил их уже во дворе, где собаку предварительно посадили на цепь, хотя тренера она знала хорошо.

Пётр стоял на крыльце в другой рубашке и докуривал теперь папиросу.

– Здравствуйте, – второй раз за вечер поздоровался с отцом Валерка.

– Здорово! Сам не узнал бы тебя... – ответил бодро Пётр и, совершенно не стесняясь, стал разглядывать Валерку, одновременно пропуская его и тренера в дом.

Разговор за столом в основном поддерживал тренер, ко-

торый быстро находил тему и легко мог заговорить и с хозяйкой, и с рыжим, лет тринадцати, её сыном. Валерка сидел рядом в каком-то заторможенном состоянии, и всё ему казалось сном, от которого очень хотелось очнуться, а никак не получалось. А ещё ему было так совестно здесь сидеть, совестно кушать, стыдился даже своих очков. Они, казалось, то и дело сползают у него. Который уже раз кладёт ложку на стол, поправляет очки, затем вновь берётся за ложку и, обжигаясь, ест дьявольски горячие жирные щи. Скоро, вконец измучившись, он оставляет ложку на столе, а хлеб дожёвывает всухомятку.

– Кушай, кушай, Валерка, – подкладывая хлеб, потчует хозяйка. – Как по батюшке?

– Петрович, – выдавливая из себя Валерка и, совсем обессилив от терзавших его сомнений, переживаний, падает головой на стол и заливается слезами.

За столом все застывают. Хозяйка растерянно смотрит на мужа, на Валерку:

– Ну чего ты, Валерка? Никак обжёгся?

Пётр, опутив глаза, сидел молча. А тренер, всё понимая, повторял:

– Ничего, ничего, всё пройдёт...

Вскоре Валерка неловко вылез из-за стола и, не поднимая головы, вышел из дома.

Утром Пётр появился во дворе лишь после того, как ушли туристы, а вечером был уже пьян. Со следующего дня он на-

пивался с утра. И раньше это случалось, поэтому у хозяйки была надежда: обычно после запоев Пётр месяцами не брал в рот спиртного. Но на этот раз он не мог остановиться – спивался.

И с сыном Пётр больше не встретился, потому что через пять лет Валерка погиб под лавиной в горах...

Вадим Александрович вернулся в настоящее. Взял рюмку со стола и помянул Петра Ивановича, Валерку и невольно подумал о том, что в жизни людей есть и другие вершины, на которые родные люди поднимаются в одной невидимой связке, если один срывается с горы, то и второму редко удаётся выжить...

Костёр

После трудного перехода по болотам Полесья мои друзья просидели у костра недолго. Отправились спать. Я же решил не уходить, пока не прогорит костёр. И потом, сама ночь завораживала чем-то. Звёздное небо висело так низко, что казалось: если встать и протянуть вверх руки, то дотянешься до звёзд. Но костёр ещё больше притягивал мой взгляд. Особенно его искры. При каждом потрескивании сухих дров из костра стайкой взлетали маленькие звёздочки, которые в ночи напоминали звёзды. Разница была только в том, что они быстро гасли и не долетали до неба. Но это не останавливало звёздочки: они продолжали вылетать из пламени и на глазах гаснуть. Как ни старались звёздочки костра подняться до созвездий, ничего у них не получалось. То ли из-за маленького размера они быстро остывали в ночном прохладном воздухе, то ли пламя костра не давало им нужную силу? Но, так или иначе, они обречены погибнуть в пламени костра, так почему бы не попробовать взлететь, хотя бы напоследок... Ведь помимо огня есть и другие стихии. И салютом взлетают звёздочки костра – выше и дальше от горящей сердцевины дерева! Но сердцевина не в обиде на них: она любит и погасшие звёздочки. К тому же часть из них вновь падает в костёр, чтобы отдать родной сердцевине всё, что в них осталось.

Ведь когда-то молодая и здоровая сердцевина дерева по

лучику собирала их от солнечного света и рассыпала по всему стволу, по веткам, чтобы каждой весной из этих невидимых «звёздочек» набухали почки и распускались листья на ветках – чтобы во всём искрилась жизнь! И сейчас, с возвращением звёздочек, пусть и потухших, сердцевине было легче переносить страдания в безжалостном огне. Единственное, что оставалось сгорающей сердцевине, – это стремление обогреть всех последними всполохами огня, в которых догорали последние сухие ветви, последние чувства. Даже в обуглившейся сердцевине дерева есть непоколебимая вера в то, что вместе с ней растительный мир не исчезнет и здесь же вырастут новые деревья!

Мне стало грустно смотреть на догорающие угли в костре, и я взглянул на звёздное небо. Но и там вдруг увидел падающую звезду. Казалось, она также вылетела из незримого костра, пролетела часть неба и исчезла в ночном сумраке. Возможно, и она, не достигнув земли, осталась в притяжении Луны и вернулась к горящему сердцу Луны. И жизнь этой звезды не отличалась от жизни звёздочек из костра.

А человек? И он сгорает в жизни, как в костре. И каким бы сиянием он ни обладал, не может отделиться от сердца своего народа. Тем более, когда оно погибает в огне. И неважно: погасшей искоркой или потухшей звездой – но человек обязательно возвращается к сердцу своего народа.

Я огляделся. Костёр догорел. Звёзды спрятались за облака. Всё растворилось в темноте. И мне ничего другого не

оставалось, как идти спать в походную палатку.

Ашуд

*Не знаете ли, что тела ваши суть Храм
живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы
от Бога, и вы не свои?*

Кор. 10:12

В небесах плыли редкие облака, и нещадно светило солнце. Хоть Ашуд и состоял из тонкого невидимого тела – сгустка космической энергии – но и его утомил солнечный свет, и он спрятался под ближайшим облаком. Но, осмотревшись, он увидел ещё большее облако и перелетел туда, где буквально утонул в белоснежной неге облака, которое бесшумно плыло по небу и усыпляло. И скоро Ашуд так крепко уснул, что ничего не видел и не чувствовал.

Вдруг чудовищный крик потряс Ашуда, и он проснулся в незнакомом месте. Отчего сильно испугался и со страху перестал соображать. Растерянно озираясь вокруг, он ничего не видел, было темно. И улететь не мог: что-то мешало и не отпускало. «Боже, где я? Что со мной происходит?..» – не находил ответа Ашуд. Место было совершенно незнакомое, вместо белоснежного облака и небесной свежести ощущалась невыносимая жара, теснота, и нестерпимо грохотало. Этот грохот методично повторялся и сотрясал Ашуда. Мало того, со всех сторон лилась тёплая липкая жидкость, пропитывала насквозь и с силой смывала в неизвестность. Он

вслепую куда-то забился и силился понять, где он и как оказался здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.